

УДК 330.342.146

Е.А. Фролова, Э.Т. Ушакова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В РОССИИ

Дана характеристика институциональных особенностей социальной ответственности в России по сравнению с прогрессивной моделью, описанной в предыдущей статье. Основные характеристики социальной ответственности, в том числе ее субъектный состав, персонифицированное доверие, локальный социальный капитал, закрытость сетей доверия и особый механизм контрактации определяют существенные свойства российской модели. Авторы приходят к выводу о необходимости формирования устойчивых прогрессивных институциональных характеристик социальной ответственности экономических субъектов в России.

Ключевые слова: социальная ответственность, доверие, социальные сети, альтруизм, социальный контракт.

Институциональные свойства социальной ответственности в России выражены гораздо слабее по сравнению с прогрессивной моделью. «Норма+осознание+поведение» существуют в нечеткой форме. Норма социальной ответственности не закреплена в этике, точнее, ее нет вовсе. Нормой считается безответственное, эгоистичное поведение, связанное с поиском ренты. Именно ренты как дохода от обладания специфическим ограниченным ресурсом, а не доходов от труда или собственности.

Социальная ответственность в России представляет собой скорее локальное соглашение (конвенцию). Она не достигла уровня правила, нормы и далее института. Признаки данного соглашения существенно отличаются от свойств прогрессивного института социальной ответственности, а именно:

1. *Самый социально ответственный субъект в России – это государство, которое устанавливает социальный идеал и предпринимает шаги по его реализации. Однако социальный идеал имеет четко выраженную классовую структуру, и механизмы его достижения отличаются в зависимости от социальной группы. Бизнес и население практически не участвуют в этом процессе. Отсюда высокая степень неопределенности будущего, невостребованность прогрессивных идей, консерватизм, бегство капитала и утечка мозгов.* Спецификой российского института социальной ответственности является ярко выраженное преобладание в его субъектном составе государства в лице органов власти разного уровня и специализации. Экономисты, социологи, политологи и другие специалисты в области общественных наук в качестве национальной особенности России отмечают преобладание ценностей патернализма и самодержавия в сознании экономических субъектов в ущерб приоритетам самостоятельности и ответственности. Причем экономические, политические и социальные изменения последних 10 лет не только не ослабили, но и усилили данные тенденции. В своей новой работе Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгайт относят

Россию к так называемым порядкам ограниченного доступа (естественным государствам), так как их основные признаки постоянно воспроизводятся в российской хозяйственной практике [1. С. 54]. В том числе:

- Экономическая система характеризуется относительно медленным ростом и сильной зависимостью от различных потрясений. В своей истории мы наблюдали это не раз. Перманентное догоняющее развитие, революционные изменения экономики и общества.

- Политическое устройство не основано на общем согласии граждан. Здесь следует добавить – сохраняется довольно жесткая классовая структура, при этом горизонтальная и вертикальная мобильность крайне затруднена. Существуют лишь отдельные исторические периоды (например, начало XX или конец XX в.), когда некоторые препятствия для социальных лифтов становятся менее жесткими. В современной России, как отмечают Е. Гонтмахер и Т. Малева, в годы экономического подъема, несмотря на благоприятные экономические показатели, различия между укладами продолжали углубляться. Происходит их капсуляция из-за фактического прекращения диффузии социальных групп и резкое сокращение вертикальной мобильности. Сформировалась ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения [2. С. 61].

- Наблюдается относительно небольшое число организаций. Таким образом, естественные государства монополизируют права по управлению хозяйственной системой, не допуская других участников к процедурам принятия решений. Поддерживается сакральный характер государственной власти, даже в условиях представительной демократии, по образу и подобию божественного назначения монархов.

- Создаются правительства менее крупные и более централизованные. Субъектами принятия решений являются представители верхушки властной элиты (президент, премьер-министр, вице-премьеры), количество которых укладывается в первую десятку цифр. Иные субъекты (например, Государственная Дума или Совет Федерации, Конституционный суд и т.д.) играют роль марионеток в политической борьбе, не оказывая существенного влияния на политический процесс, имитируя деятельность совещательных органов как на уровне государства в целом, так и на местах. Централизация власти, в свою очередь, предполагает ужесточение отношений вдоль властной вертикали. Используется так называемое «ручное управление», когда проблема решается только при непосредственном участии первых лиц государства. Трагедия в Крымске или лесные пожары в Сибири в 2012 г. – типичные, но далеко не все примеры. Несмотря на это, масштабы государственного управления постоянно растут – увеличивается численность бюрократического аппарата, количество проектов и отчетов, растут расходы на силовые структуры и государственное управление.

- Господствуют социальные отношения, организованные при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково. Не защищены права собственности. Как отмечают авторы, системы права изначально возникают для обеспечения защиты уникальных и частных привилегий элиты, и когда возникает необходимость в резких корректировках права, естественные государства переживают частичное или полное разрушение господствующей коалиции элит, гражданскую войну, а не правовые изменения [1. С. 111–113].

Причем ранее Б. Вайнгейст также упоминал, что современная Россия представляет собой яркий пример естественного государства, но она перешла из разряда зрелых к базисному, или простому. Фактически деградировала. Это произошло вследствие построения более жесткой вертикали власти, установления контроля над средствами массовой информации, ослабления институтов гражданского общества. Организациям стала требоваться для выживания тесная связь с государством, пропали умеренные сдержки в лице Думы, избираемых губернаторов, независимой прессы [1. С. 28–29]. Похожий вывод совершенно справедливо делает и О.Т. Богомолов, отмечая, что в последние 10 лет Россия неуклонно «сползает» к авторитаризму. Вместе с тем возвышение немногочисленного правящего класса и его лидера, а также окружающей его бюрократии, которая начинает управлять властителем, ставит вопрос о жизнеспособности политического режима. Власти на всех уровнях все более компрометируют себя неспособностью решать экономические и социальные проблемы, чудовищным бюрократизмом и коррумпированностью [3. С. 15].

В результате складывается, казалось бы, парадоксальная ситуация – общество перекладывает на государство ответственность за создание и поддержание оптимального социального порядка и, не получая подтверждения своим ожиданиям, впадает в другую крайность – стремится извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации, не пытаясь ее изменить, игнорируя закон, мораль, этику. Отсюда довольно противоречивые результаты, которые демонстрируют различные социальные опросы в отношении роли государства и ожиданий населения. Н.В. Тихонова, например, отмечает наличие в России как минимум двух противоречащих друг другу моделей общественного сознания – традиционалистов и модернистов. Первые отстаивают тезис о всевластии государства, отрицая идеи правового государства. Расплатой государства за готовность принять любые его неправовые действия является материальная поддержка населения. Для модернистов, в свою очередь, ключевыми являются ценности свободы и демократии [4. С. 12–18]. К числу модернистов автор относит лиц сравнительно молодого возраста с высоким уровнем образования, проживающих в городах, а к традиционалистам – жителей малых городов и сельской местности вне зависимости от возраста, без специального профессионального образования. С учетом объема международной миграции, в том числе выезда за рубеж наиболее активной высококвалифицированной рабочей силы, неудивительным является отмеченное Н.В. Тихоновой сокращение доли модернистов в современном российском обществе. Таким образом, бизнес и общество практически не участвуют в решении социальных проблем, не рассматривая собственную социальную ответственность в качестве необходимого компонента поведенческих шаблонов. Социальная политика приобретает моносубъектный характер, что приводит к снижению степени ее эффективности.

2. *Эгоизм в противовес альтруизму.* Как мы отмечали ранее по результатам социобиологических исследований, генетических эгоистов гораздо больше, чем генетических альтруистов (94 и 6% соответственно) и лишь институциональная система способна со временем выработать альтруистические шаблоны социально ответственного поведения примерно у 65% населения. Остальные воспитанию не поддаются. Причем на сочетание

альтруистических и эгоистических мотивов человеческой деятельности влияют разные социальные, экономические, политические, психологические факторы, в том числе уровень личного благосостояния, степень удовлетворения личных потребностей, уверенность в завтрашнем дне, устойчивость социальных связей, политическая стабильность и др.

Принимая во внимание адаптивность поведенческих шаблонов субъектов, вполне закономерно ожидать усиления эгоистических мотивов в период увеличения экономической и политической напряженности, снижения уровня благосостояния, в условиях отсутствия устойчивых социальных связей, в том числе за пределами семьи (так называемых слабых связей), неуверенности в динамике социального и имущественного положения – всех этих и других эффектов, широко распространенных в современной России.

Социологи говорят о расколе российского общества, причина которого в первую очередь имущественное неравенство, дополняемое социальной эксклюзией – исключением социальных слоев из доступа к качественному образованию и здравоохранению, качественной окружающей и социальной среде. В этих условиях эгоизм каждого позволяет индивидам элементарно выжить, не растрачивая остродефицитных ресурсов на социальные инициативы. В контексте индивидуальной полезности эгоистическое поведение предпочтительнее альтруистического. Однако общая полезность от эгоизма не только не растет, но и, наоборот, сокращается. «...Если индивиды принимают независимые эгоистические решения, то социальный оптимум обычно не достигается и результирующее равновесие в доминирующих стратегиях (когда выбор одного не зависит от решений другого) не является Парето-оптимальным» [5. С. 54].

Рассматривая историческую эволюцию проявлений альтруизма и эгоизма в поведении индивидов, И.Г. Лаверычева совершенно справедливо приходит к выводу о тесной зависимости периодов стабильности/кризиса и проявлений эгоизма/альтруизма, а именно: «Период ломки общественно-экономических отношений сопровождается противоречивостью мнений, расколом общества на фракции, имеющие различные экономические интересы и политические цели, их агрессивностью и конфронтацией, ростом эгоистических настроений, распространением идей о преобладании в жизни людей природного эгоизма. При этом альтруизм мыслится лишь как его разумное ограничение. В период устойчивого созидательного развития общества побеждает определенная консолидирующая идеология, соответствующая основному способу производства, растут альтруистические настроения и альтруизм, как и эгоизм, рассматривается в качестве самостоятельного природного свойства, способного противостоять эгоизму» [6. С. 76].

Говорить о стабильности и консолидации современного российского общества не приходится, несмотря на то, что острую фазу системной трансформации мы уже пережили. Именно тогда стала особо популярной максима о высокой эффективности рыночной конкуренции, которая, по мнению ранних реформаторов, должна была не только ускорять процесс трансформационных изменений, но и обеспечивать рост благосостояния основной массы населения. В результате, по точному замечанию В. Вишневого и В. Дементьева, «нынешний хозяйственный порядок отторгает сотрудничество эконо-

мических субъектов. Они самостоятельно вырабатывают, отбирают и наследуют короткие правила взаимодействия, а основой порядка выступает семейно-клановая частная экономическая власть, основанная на личном интересе» [5. С. 56]. Подобного мнения придерживается и О.Т. Богомолов: «Отсутствие элементарного чувства солидарности, неприкрытый эгоизм, стремление к выгоде любой ценой в ущерб окружающим, во вред всему обществу сегодня типичны для поведения многих» [3. С. 23]. За примерами далеко ходить не нужно, и каждый может вспомнить десяток-другой случаев полного игнорирования общественных потребностей в угоду собственному «эго».

И если в мировой экономической науке интерес к проблемам сочетания эгоизма и альтуизма возник на рубеже XIX–XX вв. и сейчас основные проблемы в целом разрешены то в России личные и общественные интересы сменяют друг друга как времена года или части суток уже на протяжении двух столетий. Неприкрытый эгоизм пришел на смену активно насаждаемой идеология коммунизма, и напротив, разочарование в общественном благе и всеобщем равенстве вызывает к жизни мотивы личного достатка и успеха. Есть ли их оптимальный баланс? Вопрос, видимо, риторический. Свою статью, опубликованную на английском в 1916 г. Дж. М. Кларк завершает следующими словами: «Концепция социальной ответственности достаточно хорошо знакома всем. В 1916 г. нет необходимости открывать ее заново...» [7. С. 103]. Хотелось, чтобы это на самом деле было так. Увы, несмотря на все изменения, произошедшие за последние 100 лет, мы недалеко продвинулись в этом направлении и сейчас вынуждены открывать ее заново. Как известно, новое – это хорошо забытое старое.

3. Реализация социальной ответственности обусловлена имеющимися личными связями и контактами. Соответственно требуются дополнительные расходы на формирование и поддержание сетей доверия. Информация о социальном статусе субъекта искажена, недоступна либо недостоверна. Социально ответственное поведение – локальное и ситуативное. В отличие от прогрессивной модели социальной ответственности, российская ее разновидность построена главным образом на личных связях субъектов. Границы доверия включают лиц, которые непосредственно друг с другом знакомы, и чем слабее личные связи, тем меньше доверие и ответственность по отношению к субъектам.

Особую роль личные контакты и связи играют при взаимодействии экономических субъектов в отсутствие эффективных правовых механизмов согласования интересов. Широкое распространение получило так называемое «телефонное право» – механизм разрешения конфликта интересов через обращение к лицам, способным оказать неформальное давление на одну из сторон конфликта. Подобные отношения формируют специфику российского социального капитала и сопровождаются нелегальным товарно-денежным обменом, так называемым обменом дарами (реципрокный обмен, в терминах К. Поланьи), который в современных российских условиях является основным источником коррупции. Причем, как показывают социальные опросы, реципрокный обмен распространен во всех слоях населения, однако среди лиц с относительно высокими доходами преобладают отношения, направленные именно на поддержание взаимовыгодных социальных связей, в то время

как малообеспеченные группы населения могут рассчитывать лишь на взаимные услуги и материальную помощь со стороны друзей и родственников. «Помощь, предоставляемая самым бедным семьям российского общества, заключается, прежде всего, в простой хозяйственной или материальной поддержке, в то время как их включенность в обмен дефицитным социальным капиталом существенно ниже, чем в более обеспеченных социальных группах, то есть бедные в большинстве своем постепенно исключаются из активного взаимобмена связями, создающими качественно новые возможности, а не просто облегчающими жизнь» [8. С. 174]. Все это усиливает и углубляет социальную дифференциацию, затрудняя еще больше вертикальную мобильность, закрепляя локальный характер социальной ответственности. Причем сама норма социальной ответственности довольно сильно отличается в зависимости от социальной группы. И, как далее отмечают авторы, зависимость степени тесноты социальных связей определяется не только доходами экономических субъектов, но и географическими особенностями России, а именно социальные сети активно функционируют не там, где объективно сложнее выживать, т.е. в менее благополучных, бедных регионах России или регионах с суровыми условиями существования, а в точках экономического роста – в более благополучных и развитых районах [8. С. 177], что подтверждает наш вывод о тесной прямой зависимости степени реализации социальной ответственности от совокупного уровня благосостояния и оптимистичных ожиданий субъектов относительно будущего.

Локальный характер социальных связей и ответственности реализуется в том числе в аспекте решения локальных микропроблем, и в этом сегменте стремление к самоорганизации достаточно велико, но объединяются субъекты, которым «есть что терять». В упомянутой выше работе авторы также отмечают распространение социального капитала в виде движения «одного требования» – автомобилисты, обманутые дольщики, политическая оппозиция, который создается спонтанно, но одновременно эти сети довольно хорошо организованы и весьма эффективны [8. С. 213]. Однако все они имеют локальный характер (географический или функциональный). Общей гражданской самоорганизации в России нет. Локальный характер сетей доверия предопределяет наличие дополнительных барьеров, которые ограничивают количество участников сети, таким образом, экономические субъекты должны нести дополнительные затраты по входу в сеть или для поддержания своего положения в сети. Условно такие затраты можно назвать издержками формирования доверия. Подобно транзакционным затратам, они включают в себя:

- Издержки на поиск информации о целевых социальных сетях – материальные, финансовые, временные и человеческие, которые несут субъекты в процессе поиска так называемых «нужных людей» – индивидов или групп лиц, контакты с которыми позволяют получить «пропуск» в сеть доверия.
- Затраты на вход в сеть – издержки, которые необходимо нести для преодоления входных барьеров: представительские расходы, подарки, бонусы, членские взносы, затраты на предвыборные мероприятия и др.
- Затраты на формирование определенного положения в сети и поддержание данного положения. Сетевая конфигурация предполагает не

только горизонтальные социальные связи, но и иерархию, так как участники не всегда имеют равный статус и движение по каналам сетевой иерархии часто позволяет претендовать на большую долю общего сетевого блага. В свою очередь, достижение узловых точек сети требует дополнительных расходов на поддержание периферии.

- Затраты на выход из сети. Барьеры в локальных сетях часто являются двусторонними. Сложно не только войти в сеть доверия, порой еще сложнее ее покинуть, так как доступ к сетевой информации, каналы доверия, общее сетевое благо, часть которого стала доступна участникам сети, – это особое конкурентное преимущество данной сети перед аналогами. Оно является своеобразной коммерческой тайной, раскрытие которой может способствовать распаду сети. Таким образом, выход из сети становится часто невозможным. Экономический субъект получает статус предателя и просто лишается жизни в прямом или переносном смысле слова – теряет репутацию за счет распространения нежелательной информации другим участникам сети, либо за счет криминальных механизмов сходит со сцены вовсе.

Величина этих издержек может довольно существенно отличаться в зависимости от типа и масштабов сети, от ее функциональных характеристик. Таким образом, локальные сети доверия приобретают кланово-корпоративный характер. В современной России клановый характер социального взаимодействия и ответственности особенно распространен в силу исторических, политических, культурных и психологических особенностей и охватывает не только личные и семейные отношения, как принято во многих странах, но также профессиональные и социальные. Профессиональные сообщества, коллективы предприятий и организаций формируют особый клан, каждый член которого более или менее уверен в том, что на коллег можно положиться, и не нужны дополнительные процедуры проверки порядочности. При появлении трудностей возникает своеобразная «круговая порука», которая является специфическим российским механизмом доверия и социальной ответственности. В связи с этим практически полностью отсутствует конкурсная процедура отбора лучших, поэтому деловая репутация, например, также имеет локальный характер. Не существует единых сигналов, которые бы позволили беспристрастно и без существенных дополнительных затрат судить о свойствах и качествах товаров, ресурсов, субъектов. Искажению информации об экономических субъектах способствуют и другие активно используемые инструменты.

Асимметрия информации в России приобретает колоссальные масштабы, причем многие информационные каналы, успешно работающие в других странах, в России свои функции практически не выполняют. Цены товаров и услуг не всегда свидетельствуют об издержках на их производство или степени их редкости, а часто отражают возможности по манипуляции рыночными условиями со стороны крупных производителей (поставщиков). Документы об образовании (особенно высшем, учитывая степень их востребованности на рынке труда) практически ничего не говорят о знаниях, умениях, навыках и профессиональной квалификации индивида. Лицензии и сертификаты редко отражают реальные свойства и качества продукции. Будучи особым товаром в современной информационной экономике, сведения, данные о то-

варе, субъекте или его деятельности, имеют свою цену и сферу применения. Закон о защите персональных данных, принятый в 2009 г., призван защитить личные сведения о субъекте от неправомерного использования третьими лицами в целях нанесения ущерба личности, репутации, имущественному положению субъекта.

Было ли что-то подобное ранее? В советские времена? Нет, конечно. Достаточно вспомнить старые телефонные справочники, где можно было найти информацию не только о номере телефона, которая сейчас также попадает под действие вышеупомянутого закона, но и о месте жительства. Тогда эти сведения не имели коммерческого применения. В 2012 г. в Уголовный кодекс РФ вернули статью о клевете. Все это призвано сократить злоупотребления сведениями об экономических субъектах, в первую очередь личности, снизив, таким образом, информационную асимметрию. Однако на практике дело обстоит гораздо сложнее, чем в помыслах законодателей. И если источником некорректных сведений является сам субъект или эта информация распространяется с его подачи (разрешения), никаких специальных санкций и ущерба субъект не несет.

Особый размах в современной России приобретают так называемые PR-связи с общественностью, механизмы которых позволяют в достаточно короткие сроки сформировать или полностью разрушить репутацию как отдельного лица, так и организации. Причем проверить такую дезинформацию не представляется возможным, поэтому доверие информационным каналам в современной России крайне низкое, особенно в среде субъектов с достаточно высоким уровнем образования. С учетом количества аффилированных с различными организациями информационных агентств информационное поле становится крайне насыщенным, но совершенно неинформативным. Теряется сам смысл термина «информация», так как имеющиеся сведения не всегда отражают реальное положение дел. Также известны массовые злоупотребления информационными механизмами в условиях предвыборной борьбы, когда за очень короткое время вполне возможно привести к власти совершенно не известного никому кандидата или, напротив, снять с арены политической борьбы известного и проверенного человека. Постепенно вводимая в практику СМИ цензура не приносит желаемого результата, так как не имеет адекватного механизма проверки точности и достоверности распространяемой информации. И здесь следует согласиться с мнением Д.Б. Дондурей: «Телевидение (да и все СМИ. – Авторы) нельзя рассматривать исключительно в качестве бизнеса. Телевидение, эфир – это такое же национальное достояние, как недра, язык. Это величайшее благо, принадлежащее всем. Это средство трансляции национальной культуры, традиций, установок, смыслов, образов» [9. С. 72].

4. *Социальный капитал незначителен, сети доверия локальны. Групп доверия много, границы групп доверия могут пересекаться. Доверие персонифицировано. Сети доверия построены вокруг представителей административной верхушки (вертикали власти) – мэра, губернатора, президента, так как именно они обладают полномочиями в области законно-творчества, свершения правосудия, исполнения наказания, поддержания порядка. Слабая степень проявления инициативы на местах, отсюда патернализм, бюрократизм, пассивность, неразвитость гражданской*

самоорганизации. В результате – укорененные традиции тоталитаризма и диктатуры. Распространенная в России модель социальной ответственности построена на так называемом персонифицированном доверии, т.е. участники сетей доверия часто лично знакомы друг с другом либо точно знают о существовании друг друга и ключевых свойствах (особенностях) поведения. Лица, не входящие в сеть доверия, не являются субъектами, с которыми планируется устойчивое взаимодействие, поэтому на них не распространяется норма социально ответственного поведения, часто дело обстоит с точностью до наоборот. Субъекты за границами сетей доверия выступают «врагами», противостояние которым укрепляет сеть. А отношение к врагам традиционное – «на войне как на войне» и «пленных не брать», врага можно и даже нужно обмануть (победить хитростью), активы, захваченные в результате «военных действий», становятся трофеями, которыми гордятся, выставляют на всеобщее обозрение, обретая, таким образом, право легитимной собственности. Методы ведения «военных действий» в данном случае не имеют существенного значения, потому главное – не процесс, а результат. Активно используются не столько легальные экономические, политические, социальные методы противостояния, сколько полутеневые и даже криминальные приемы.

Сети доверия существуют параллельно друг другу, отдельные элементы сетей порой пересекаются, т.е. участники одной из сетей могут быть в составе других сетей. Однако сети доверия конкурируют друг с другом, пытаясь получить доступ и разделить некое экономическое благо. В ход идут рейдерские захваты, преднамеренное банкротство, коммерческий подкуп. В неэкономической сфере – лоббизм, торговля голосами, популизм и демагогия. Все это – крайне распространенные стратегии поведения таких «социально ответственных» субъектов. Подобные явления еще больше закрепляют классовую структуру российского общества. И в отличие от современного информационного общества, для которого, как отмечает О.И. Шкаратан, характерна система восходящей мобильности в формировании элит, основанная на принципе социальной селекции в соответствии со степенью одаренности и образованности [10. С. 8], в России классовое общество предоставляет преимущества по имущественному признаку. Доступ к финансовым, природным, материальным ресурсам определяет дополнительные социальные преимущества и власть. Это традиционная российская проблема «власти – собственности» – обладание активами увеличивает власть, властные полномочия увеличивают размер собственности субъекта. Социальный капитал локальных сетей с полным правом можно назвать клубным благом, т.е. своеобразными преимуществами в обмене частными преференциями и услугами. Для подобного капитала характерны такие свойства, как иерархичность, смешанность, закрытость, высокие барьеры входа, высокая цена выхода [11. С. 39].

Значительная часть современных российских сетей доверия относится к так называемому смешанному типу. Участниками данных сетей являются субъекты различных сфер деятельности, профессий, возраста, образования. Гомогенные сети распространены гораздо меньше. Такой гетерогенный характер создает сетям определенные преимущества, позволяя вовлекать в

свою орбиту разных субъектов, обеспечивая, таким образом, устойчивость сети. С другой стороны, гетерогенные сети сталкиваются с проблемой согласования интересов участников, которые (интересы) в силу этой неоднородности способны сильно противоречить друг другу. Стержнем таких сетей в России часто становится узел, обладающий монопольным правом формирования правил и их исполнения, к числу которых относятся представители законодательных, исполнительных, судебных органов власти, бюрократия разного уровня, начиная с президента и его кабинета министров, формируемого сейчас по принципу личной преданности и лояльности, заканчивая специалистами низшего звена районных и поселковых администраций. Такие сети обеспечивают большой выигрыш, так как под контроль участников сети попадает большой объем ресурсов, способных приносить ренту (продажа муниципальной собственности по заниженной стоимости, выделение участков земли под строительство для аффилированных компаний, государственные контракты на поставку продукции (оказание услуг) со «своими» компаниями, распределение мест в детских садах и престижных школах и другие примеры). В этой связи О.Т. Богомолов отмечает: «Характер административных отношений зависит не только от ведомственных положений и инструкций, устанавливающих круг обязанностей и ответственности ведомств и их работников, но и от личных связей чиновников, их добросовестности и компетентности, симпатий и антипатий. В их подборе и деятельности имеют большое значение доверительные отношения, основанные на давней дружбе или длительной совместной работе... Фаворитизм и корпоративность в верхних эшелонах власти, опирающиеся на персональную лояльность и преданность, становятся в современной России все заметнее» [3. С. 16].

Отстранение населения от принятия ключевых решений в политике и экономике имеет в России глубокие исторические корни. Подавляющее большинство исследователей отмечают присущую российскому самосознанию черту ожидания чуда со стороны государства: «Вот придет барин, барин нас рассудит». В этой связи В.В. Петухов отмечает: «Антидемократические и антилиберальные шаги администрации Путина не навязываются российскому народу, а пользуются его поддержкой. И эта поддержка связана, прежде всего, с тем, что Путин восстановил в России традиционную модель управления – автократическое государство, где граждане освобождаются от ответственности за политические решения, а для укрепления искусственного единства используются образы воображаемых иностранных врагов» [12. С. 118]. Аналогичного мнения придерживается и А.С. Ципко: «Патернализм – это не только персонификация власти, сакральное восприятие царя, вождя, но и перенесение на власть ответственности за свою судьбу, жизнь, благосостояние семьи. Отсюда пассивность, вечное ожидание чуда, ниспосланного сверху, атрофия способности к самоорганизации и защите своих интересов» [13. С. 110]. Причем эти особенности поведения экономических субъектов в России автор связывает с противостоянием гражданской самоорганизации и власти в советские времена – «инициатива наказуема». И в итоге «общество, в котором «опасные действия» правительства идут «непрерывной цепью», будет постепенно терять понимание того, почему они собственно опасны, понимание того, что значит быть свободным» [14. С. 44].

Мы медленно, но верно идем этой дорогой, даже не осознавая, с какими проблемами придется столкнуться в будущем. Поколение, помнившее на своем опыте ужасы сталинских лагерей, уже практически полностью ушло. Поколение времен застоя занято выживанием, а молодежь ничего и не знает про командно-административную систему и без тени сомнения голосует за коммунистическую партию или ЛДПР, просто из чувства противоречия.

5. *Контракты неполные. Юридическое сопровождение сделок слабое. Правовая система несовершенно. Ожидания субъектов и поведение не всегда предсказуемы. Высокая степень неопределенности будущего, нечеткие ожидания. Опportunистическое поведение широко распространено. Транзакционные издержки защиты прав и собственности велики.* Эти эффекты дополняют картину российской модели социальной ответственности, ухудшая качество общественных отношений по сравнению с прогрессивной. Вместе с тем обе модели именно в данном аспекте имеют важные точки соприкосновения. Одна из них – это уже известная нам специфика неполных контрактов. Попытки максимально точно учесть все возможные последствия сделки и предусмотреть ответственность и санкции при всех исходах не приносят желаемого результата, так как всегда остаются так называемые внешние факторы, которые не поддаются четкому прогнозированию и управлению со стороны участников контракта. И вне зависимости от сферы реализации соглашения, количества участников, предмета договора контракты всегда остаются неполными (и многостраничные договора ипотечного кредитования, страхования имущества или жизни и куцые договора купли-продажи продуктов в магазине), что требует участия арбитров в решении конфликтных ситуаций. В данном процессе значительную роль играет степень квалификации арбитров, так как участники соглашений обладают специфической, недоступной другой стороне и арбитру информацией и могут оказывать давление в целях принятия выгодного для себя решения.

Независимость арбитража в традиционном его смысле как способа разрешения хозяйственных конфликтов, либо в более широком контексте, как независимость судебной системы в целом, ибо арбитром чаще всего выступает именно судебная власть, – это одна из самых острых проблем современной России. Примеров – огромное количество. Следует сослаться на авторитетное мнение Н.В. Тихоновой, которая отмечает еще одну важную проблему в российской судебной системе: «рост доверия к власти способствовал расширению делегирования ей права действовать, руководствуясь интересами государства, а не существующими в стране законами, вплоть до прямого влияния на правосудие и ограничение свободы слова» [4. С. 6–7]. С учетом того, что законы в России пишут те, кто их исполняет и вершит правосудие, так как реального разделения властей у нас нет, получается порочный замкнутый круг – законы отражают предпочтения и потребности групп интересов, так как именно они широко представлены в федеральных и региональных законодательных органах, исполнением законов занимается администрация разного уровня, представляющая часто те же группы интересов, судебные решения принимают зависимые и подотчетные государству органы. Рядовые участники хозяйственной деятельности не могут получить защиту своих прав

и интересов, поэтому вынуждены обращаться напрямую к Президенту, в Конституционный суд, либо в международные судебные инстанции, например в Страсбургский суд по правам человека.

Низкое качество формальных институтов в России – это не просто результат случайной мутации законодательной базы как на федеральном, так региональном и местном уровне. Скорее это целенаправленная «диверсия» органов федеральной власти, которая, таким образом, получает дополнительные «ниточки» для манипуляции экономическими субъектами и мелкими чиновниками в России в целях обеспечения лояльности и преданности. «Когда корпус законов составлен так, что исполнить их все принципиально невозможно, каждый человек потенциально является преступником и населением в целом гораздо проще управлять. В результате образуется социальный контракт, при котором чиновникам действующая система выгодна, потому что они могут извлекать из нее доходы, а власти она выгодна, потому что она может легко контролировать и население и чиновников – все они находятся в сфере вне законности» [15].

Однако с учетом проблем в обеспечении легитимности прав собственности даже элита, формирующая порядок в стране, не может быть до конца уверена в своем положении. Ротация элит внутри правящей группы приводит к изменению представлений о правомерности привилегий. Отсюда высокая степень неопределенности в выработке перспектив как хозяйственного развития страны, так и жизни каждого конкретного индивида. Таким образом, сложно ожидать особо выраженной социальной ответственности по отношению к лицам, с которыми в будущем никакого взаимодействия не планируется. Напротив, оппортунистическое поведение – предпочтительная стратегия и тактика экономических субъектов. Отсюда непредсказуемость поведения экономических субъектов, низкий уровень деперсонифицированного доверия, высокие издержки экономического взаимодействия, проблемы в обеспечении экономического роста. Как отмечает в своей работе Т. Натхов, по результатам эмпирических исследований С. Нэка и П. Кифера повышение уровня доверия в стране на 1 пункт увеличивает экономический рост более чем на 0,5 пункта [16. С. 114]. Обратная зависимость, видимо, тоже имеет место быть и помимо других факторов: устаревшей отраслевой структуры, сырьевой экспортной ориентации, низкой покупательной способности, высоких административных барьеров, коррупции. Оппортунизм экономических субъектов еще больше сокращает возможности экономического роста и развития, в то время как уровень развития и благосостояния и сейчас трудно признать удовлетворительным.

6. *Уровень экономического развития невысок. Не удовлетворены базовые физиологические потребности основной массы населения. Завышены ожидания. Неопределенность в гарантиях прав собственности. Жажда наживы преобладает даже в условиях чрезвычайной ситуации.* Рассматривая экономическую и социальную динамику в России за последние 20 лет, вполне обоснованно можно сделать вывод о явной деградации хозяйственной системы, сопровождающейся как экономическими трудностями, так и социальными проблемами. Многие исследователи пытаются дать сравнительную характеристику благосостояния населения в советской

России и в современных условиях, изучая динамику доходов и состав потребительской корзины, что в целом является одним из необходимых, но далеко не достаточных условий для измерения уровня жизни в разные исторические эпохи. Поиски объективного основания стоимости и цены товаров, которые ведутся в экономической науке еще со времен физиократов, упираются в одну важную методологическую проблему – где находится тот эквивалент стоимости, который однозначно может измерить ее величину и позволит сопоставить товары (активы) в зависимости от стоимости? Ни затраты труда, ни полезность, ни тем более денежная оценка таким эквивалентом, как показала практика, стать не могут. Поэтому, на наш взгляд, не имеет особого смысла сопоставление доходов населения в историческом промежутке, который охватывает более 10 лет, ибо ценность денег в этот период может существенно меняться.

Сравнение структуры потребительской корзины для измерения динамики уровня жизни также создает дополнительные проблемы – ценность разных потребительских благ меняется со временем, поэтому абсолютный размер их потребления и структура потребительской корзины по укрупненным группам товаров не дают точной информации об уровне жизни и его динамике. Например, можно ли сказать, что индивид, не имевший 10 лет назад компьютера, мобильного телефона и широкополосного доступа в Интернет, жил хуже, чем субъект, сейчас обладающий данными благами? Или семья, которая в советские времена не имела проблем с жильем, но не обладала собственностью на него, и многие предметы быта, необходимость которых сейчас не вызывает сомнения, не были доступны? В то время как в современной России ситуация складывается с точностью до наоборот – без препятствий можно обзавестись мебелью, бытовой техникой, а приобрести жилье даже по советским стандартам не в состоянии значительная масса населения. В каком случае уровень жизни выше?

Тем более трудно сравнивать уровень благосостояния населения в разных странах с учетом проблем при сопоставлении ценности денежной единицы, ценности и производительности труда, свойств, качеств и стоимости товаров, включенных в потребительскую корзину с учетом исторических, климатических, культурных и других национальных особенностей. В связи с этим вполне закономерны различия во мнениях при оценке уровня развития экономики и уровня жизни (благосостояния). Эти категории не являются синонимами, однако часто дополняют друг друга, демонстрируя прямую корреляционную зависимость. Функциональной зависимости пока обнаружить не удалось. Вместе с тем за неимением другой разумной альтернативы в теоретических и эмпирических исследованиях мы вынуждены использовать не вполне конкретные методологические конструкции, в обязательном порядке учитывая их ограниченность.

Уровень экономического развития принято определять по совокупности признаков, основным из которых можно считать отраслевую структуру национального производства. Именно она используется в международных сопоставлениях ООН. Как правило, чем больше доля услуг, особенно услуг в части человеческого развития, тем, при прочих равных условиях, выше экономическое развитие страны. И это вполне обосновано. Как мы уже отмечали

ранее, потребности выше физиологического уровня становятся актуальными, если физиологические удовлетворены в полном объеме и нет необходимости бороться за пищу, жилище, прочие условия, компенсирующие отрицательное влияние окружающей среды. Есть возможности и средства для удовлетворения потребностей в самореализации.

Общение невозможно без знания языка и существующих социальных норм, самореализация связана с творческой активностью индивида, обусловлена накопленным объемом знаний, умений и навыков, сформированной позитивной мотивацией к деятельности, поэтому расходы на приобретение данных качеств постепенно возрастают по мере повышения благосостояния населения. А это уже инвестиции в человеческий капитал, отдача от которых в виде дополнительного потока доходов в будущем формирует мультипликативный эффект роста человеческого капитала и благосостояния, а также роста уровня жизни населения и продолжительности жизни как одного из важных индикаторов благополучия. В паре с уровнем экономического развития необходимо рассматривать и индекс развития человеческого потенциала, который фиксирует не столько собственно экономические показатели, сколько влияние благосостояния на социальное благополучие общества. Поэтому международные рейтинги стран по уровню экономического развития и развития человеческого потенциала дают очень похожие результаты. Лидерами данных рейтингов традиционно являются страны Северной Америки и Западной Европы, для которых характерен не только высокий уровень экономического развития и социального благополучия, но и относительно высокий уровень социальной ответственности, вместе с тем отдельных рейтингов социальной ответственности до сих пор не существует. И напротив, страны с относительно низким уровнем экономического развития демонстрируют явное социальное неблагополучие и ожидать высокого уровня социальной ответственности не приходится.

Ранее мы уже отмечали, что Д. Норт относит Россию именно к естественным государствам (порядкам ограниченного доступа), причем базисного типа, для которого характерна ожесточенная борьба за ренту и социальная сегрегация. Эти факторы, в свою очередь, существенно тормозят возможности по экономическому и социальному развитию. В результате в отраслевой структуре и в развитии человеческих ресурсов сохраняются устаревшие пропорции и черты, способствующие деиндустриализации страны и снижению уровня жизни. В рамках международных сопоставлений Россия устойчиво занимает место в разряде развивающихся стран наряду с Бразилией, Индией и Китаем, сохраняя деформированную отраслевую структуру с преобладанием первичных отраслей, преимущественно добывающей промышленности, которая дополняется высокой долей транспортных услуг и торговли в ВВП.

Подобные отраслевые пропорции свойственны позднему феодализму времен первоначального накопления капитала. Дикий капитализм начала 90-х гг. XX в. далеко не исчерпан в начале XXI, однако если ранее основными субъектами подобной системы были именно капиталисты – так называемые «новые русские», которые в результате несовершенства законодательства смогли «прибрать к рукам» значительную часть ранее никому не нужной собственности, то в современной России капиталистическую хватку обрела и

государственная бюрократия, используя похожие механизмы передела собственности и подминая под себя каналы распределения ренты. В результате словарный запас экономических субъектов пополнился такими терминами, как «распил», «откат», «захват бизнеса», «преднамеренное банкротство». И даже реприватизация (национализация собственности) сейчас – не столько механизм пополнения общенародных активов, сколько средство обогащения бюрократии. Преобладание портфельных и прочих инвестиций в национальном капитале отражает уже известную «тотальную неуверенность в завтрашнем дне», так как финансовые вложения и кредитные ресурсы проще и быстрее изъять из оборота, чем вложения в реальные активы (машины и оборудование) в случае неблагоприятных тенденций.

Сокращение доли реального промышленного производства в рамках экспортно-ориентированной стратегии – это в том числе результат недалековидной государственной структурной и таможенной политики. Низкие таможенные пошлины на импортные машины и оборудование, призванные увеличивать спрос предприятий на более технически совершенные и производительные машины в целях модернизации производства, обеспечили сокращение внутреннего спроса на отечественное оборудование, вследствие чего сократились инвестиции в развитие отечественного машиностроения, что сделало его продукцию еще более неконкурентоспособной. И даже в таких традиционно прогрессивных российских отраслях, как космос, авиастроение, военная техника и производство вооружений, продукция все меньше пользуется спросом не только на международном, но и на внутреннем рынке. И в рейтингах международной конкурентоспособности Всемирного экономического форума позиции России становятся все хуже и хуже, даже в сравнении с другими странами БРИК. Более востребованы инвесторами те отрасли, которые работают непосредственно на потребительский рынок, удовлетворяя базовые физиологические потребности (в первую очередь пищевая промышленность). С учетом степени актуальности данной потребности и ненасыщенности товарного рынка, а также принимая во внимание средний уровень доходов населения и значительную долю подсобного хозяйства в производстве продуктов питания, перспективы пищевой промышленности более благоприятны, чем остальных отраслей. Однако сельскохозяйственное сырье в значительных объемах приходится импортировать. Другие отрасли, также ориентированные на потребителя, восполняют дефицит товаров за счет импорта либо размещают производство на территории Китая и стран Юго-Восточной Азии, утверждая, что в России такое производство экономически невыгодно в силу дефицита квалифицированной рабочей силы, высоких налогов и административных барьеров. Таковы типичные отговорки капиталистов-эксплуататоров.

В итоге мы наблюдаем своеобразный виртуальный экономический рост и дальнейшую деградацию российской экономики, что крайне неблагоприятно сказывается на уровне и качестве жизни населения, углубляется социальная дифференциация, причем не только по уровню доходов, но и по степени доступа к социальным благам, в первую очередь образованию и здравоохранению. Структура личного потребления ярко отражает подобные тенденции. И если в советские времена на небольшую зарплату индивид мог вполне содержать себя и семью, получая неограниченный доступ к образованию и

здравоохранению, то сейчас из невысоких доходов человек вынужден выделять часть и на эти цели, если, конечно, доходы позволяют это сделать. Поэтому мы не можем согласиться с мнением отдельных ученых (Г.Б. Клейнером, например), которые утверждают, что уровень жизни населения в России за годы реформ вырос. Отнюдь, у основной массы населения он существенно упал. И чтобы как-то поддержать себя и семью, среднестатистическому российскому работнику приходится все больше усилий тратить на обеспечение базового уровня потребностей – увеличивается средняя продолжительность рабочей недели, очень распространенными становятся совместительство и вторичная занятость, что позволяет увеличить доходы. В результате РСПП даже выступил с инициативой внести поправки в Трудовой кодекс и официально закрепить продолжительность рабочей недели больше 40 часов, что противоречит международным нормам в области труда и его охраны.

Еще большее ухудшение условий жизни в силу техногенных, природных, социальных катастроф приводит к деградации личности и эрозии социальных норм. Выживание индивида в рамках реализации инстинкта самосохранения заставляет его забыть практически о всех социальных регуляторах. Поэтому в чрезвычайных условиях стремление к материальной выгоде становится предпочтительной стратегией поведения, которой следуют даже относительно благополучные экономические субъекты.

7. *Участники сетей доверия не заинтересованы в расширении их границ, так как дополнительные субъекты претендуют на часть созданного общего блага, стремясь минимизировать затраты на его дальнейшее производство (эффект безбилетника).* Локальные персонифицированные сети доверия с достаточно узким радиусом и известным составом участников предназначены для производства некоего коллективного блага с клубными свойствами и затрагивающим механизмы распределения ренты. Расширение количества участников такой сети не входит в число приоритетов субъектов, получивших исключительные права на ренту, так как усложняется система управления взаимоотношениями участников, расплывается рента, усиливается конфликт интересов, поэтому сети создают дополнительные барьеры входа, которые не могут преодолеть случайные субъекты (клубные карты, вступительный взнос, фэйс-контроль, дресс-код, вход по приглашению, поручительство и др.) Социальный капитал, формируемый в таких сетях, именуется закрытым, или бондинговым [17. С. 53]. А собственно сети, обладающие таким капиталом, условно называют группами Олсона. Эти группы конкурируют за ренту, поэтому их действия, так же как действия каждого отдельного члена данной группы, не увеличивают благосостояние группы, а скорее сокращают его. По мнению ученого, малые группы более эффективно реализуют интересы своих членов, чем большие. Таким образом, «чем больше размер группы, тем меньшая часть общей выгоды достается ее среднему члену и, соответственно, тем меньше у него стимулов принимать активное участие в обеспечении группы коллективно предоставляемым благом, тем меньше у него желание участвовать в коллективных действиях и тем острее для группы становится проблема безбилетника» [15].

Фактически бремя затрат на производство данного конкретного блага в широких сетях доверия ложится на плечи самих социально ответственных субъектов, которые готовы его производить и финансировать в больших объемах, так как потребность в данном благе именно у них выше. Однако долгое время такие структуры существовать не могут, так как «безбилетников» становится все больше и доля расходов, которые несут остальные субъекты, постоянно возрастает. Решение проблемы «безбилетника» в локальных закрытых сетях доверия связано с механизмом особых селективных стимулов, которые применяются в зависимости от реального вклада участника сети в создание блага. С этой целью требуется мониторинг степени активности участников сети и затраты на него тем меньше, чем уже сеть и, соответственно, выше эффективность селективных стимулов.

По данным эмпирических исследований социального капитала, в России преобладают группы Олсона, что является результатом системной трансформации начала 90-х гг. XX в. и потери значительной части деперсонифицированного доверия. Данный факт создает два противоположных эффекта, о которых упоминают Л. Полищук и Р. Меняшев. С одной стороны, локальные сети доверия снижают степень подотчетности власти, так как используются различными группами для адаптации к сложившимся условиям. Все это снижает экономические и политические издержки халатности и злоупотребления властью и, соответственно, поощряет дальнейшие злоупотребления. С другой стороны, лучше локальные сети доверия, чем совсем никаких, так как социальные нормы, формируемые группами, заполняют вакуум координации, замещая бездействующие институты [17. С. 53]. К тому же нельзя исключать воспитательный и обучающий эффект локальной социальной ответственности, которая позволяет на практике апробировать механизмы формирования и реализации социально ответственного поведения, а также откалибровывать санкции за нарушение установленных норм. Как известно из исторического опыта, подтвержденного современными исследованиями Э. Остром, Д. Норта и других ученых, локальные сети доверия (координации) являются необходимой ступенькой к эффективной координации в «глобальном» масштабе, к формированию открытого социального капитала и широкого радиуса доверия, о пользе которых мы уже говорили выше.

Таким образом, ориентация деятельности не только на реализацию собственных узкокорыстных интересов, но и учет потребностей и интересов других экономических субъектов, социальная ответственность как ответственность за свои действия перед собой и окружающими не столько в рамках компенсации нанесенного вреда, сколько с точки зрения предупреждения возможных негативных последствий своих действий выступает важным фактором обеспечения развития российской экономики. Однако следует отметить, что социальная ответственность не может иметь универсальный характер. Социально ответственные субъекты должны четко осознавать, чьи именно интересы затрагивают их действия для точного прогноза возможных последствий.

Литература

1. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгейст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 480 с.

2. Гонтмахер Е., Малева Т. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 61–72.
3. Богомолов О.Т. Экономика и общественная среда // Экономика и общественная среда: Неосознанное взаимовлияние: Научные записки и очерки. М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. С. 8–26.
4. Тихонова Н.В. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // ОНС. 2008. № 3. С. 5–20.
5. Вишневецкий В., Дементьев В. Инновации, институты, эволюция // Вопросы экономики. 2009. №9. С. 41–62.
6. Лаверычева И.Г. Философский взгляд на историческую динамику социальных проявлений эгоизма и альтруизма // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 74–81.
7. Кларк Дж.М. Основы современной концепции экономической ответственности // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8, № 4. С. 94–103.
8. Социальное неравенство и публичная политика / ред. колл.: В.А. Медведев, Н.К. Горшков, Ю.А. Красин. М.: Культурная революция, 2007. 336 с.
9. Дондурей Д.Б. Без обновления массового сознания социально-экономические преобразования обречены // Экономика и общественная среда: Неосознанное взаимовлияние: Научные записки и очерки. М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. С. 67–83.
10. Шкаратан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // ОНС. 2011. № 1. С. 5–24.
11. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // ОНС. 2010. № 6. С. 37–51.
12. Петухов В.В. Демократические ценности в сознании и поведении россиян // Экономика и общественная среда: Неосознанное взаимовлияние: Научные записки и очерки. М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. С. 118–148.
13. Цитко А.С. Драма перестройки: кризис национального самосознания // Экономика и общественная среда: Неосознанное взаимовлияние: Научные записки и очерки. М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. С. 84–117.
14. Волков А.И. Идеи правят миром // Экономика и общественная среда: Неосознанное взаимовлияние: Научные записки и очерки. М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. С. 27–67.
15. Аузан А.А. Институциональная экономика для чайников. М.: Фэшн Пресс, 2011. 127 с.
16. Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие // Вопросы экономики. 2010. № 8. С. 112–122.
17. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.